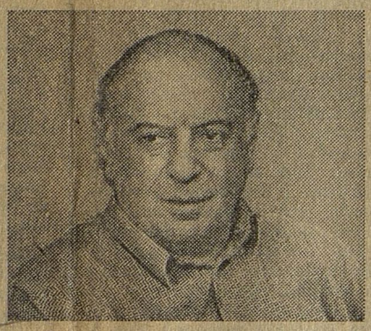
1 ОКТ 1983 Комсомольская правда г. Москва

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

МАРАФОН У МИКРОФОНА

На вопросы нашего корреспондента отвечает народный артист Грузинской ССР Котэ Махарадзе



— Кто-то сказал: режиссер должен уметь определять время, не вынимая часов из жилетного кармана. И актер, и спортсмен, согласитесь, тоже. В том числе время последнего выхода на арену... Но вот вопрос: как?

— Никогда не думал об этом. Но я за тот человеческий закон, в соответствии с которым люди остаются, когда приходит их время уйти. Так в театре. Но не так в спорте.

— Есть исключения.

— Возможно. Для меня, во всяком случае, следующий чемпионат мира по футболу станет скорее всего последним. Футбол дал мне возможность увидеть десятки стран, узнать сотни замечательных людей. Но я прежде всего актер. И не мыслю себя вне театра. Время — выбирать.

(Справка: К. Махарадзе — лауреат Государственной премии ГрССР им. К. Марджанишвили. Член президиума театрального общества республики. Ректор народного университета культуры Тбилиси. Все это — минимум 10 лекций ежемесячно не только в Тбилиси — по всей Грузии).

— Говорят, Вы обладаете удивительной памятью.

— Это необходимость. На минувшем чемпионате в Испании комментатору нужно было знать около 600 имен игроков и судей. И минимум — о каждом футбольном клубе. Все же спортивный репортаж — дело очень трудоемкое.

— Дело?

— По крайней мере в «табели о рангах» профессии такой нет. И даже больше того: когда журналист выступает по телевидению, допустим, с международным обозрением, его абсолютно все воспринимают, как серьезную величину. А вот футбольный комментатор — для очень многих — так, нечто вроде человека легкого поведения. Отчего это? Быть может, оттого, что никто не знает, по-моему, что это такое — спортивный репортаж. Скажем, физик, тут ясно: есть природа, есть знание её законов, а далее — талант. А что должен уметь комментатор?

Была эпоха радио, и был Вадим Синявский. Единственный. Умеющий заменять болельщику, который не видит игры, само футбольное зрелище, ухитрявшийся донести через эфир температуру матча. Плюс еще и юмор, фантазия...

Потом появился экран: в чем теперь ремесло? На этот вопрос ответа так и нет, а на Московской Олимпиаде работал уже не один комментатор — сорок, да и тем помогали спортсмены.

Футбольный репортаж остался при этом, строго говоря, самодеятельностью: Озеров и Махарадзе артисты, Маслаченко футболист, Саркисянц журналист... Можно долго и убедительно рассуждать о том, что каждая из этих профессий близка к искомому идеалу, но факт остается фактом: у спортивного репортажа нет «азов», которыми каждый владел бы в меру отпущенного ему природой таланта. Да и не учат нигде этому ремеслу.

— Доведись Вам составить «букварь» футбольного комментатора, с чего бы Вы начали? Хотя бы от обратного: без чего нет спортивного репортажа?

— Первое, наверное, вот что: мудрец, прекрасно знающий спорт, но не умеющий мыслить вслух, комментатором не станет. Это, пожалуй, главное: мыслить и быстро, и вслух.

А мыслить необходимо. Только представьте: испанский чемпионат смотрели сотни миллионов! Не слушали, а именно смотрели. Значит, ждали анализа, размышления, мнения. Стало быть, «человек у микрофона» непременно должен быть аналитиком. Блистательным рассказчиком. Великолепным собеседником. Личностью, которая имеет право на разговор с миллионами. А это требует уже не только дарования, но обязательно — образования.

Меня часто спрашивают, как я готовлюсь к репортажу. Специально никак. Никак — и всей жизнью.

Наконец, последнее: чувство ритма. Им, кстати, профессионально владеют актеры. А еще — комментаторы-испанцы. Кажется, они способны отвлечь домохозяйку от приготовления супа. В этом случае репортаж уже искусство.

— Как и когда Вы стали комментатором?

— Случайно. В 1957 году, когда в Тбилиси приехали американские баскетболисты. Эроси Манджгаладзе — первый и лучший грузинский комментатор — посоветовал обратиться ко мне, зная о том, что я был в свое время капитаном республиканской юношеской сборной по баскетболу... Я пришел на тренировку тбилисцев, устроился на трибуне, что-то бормотал для себя. И вот... добормотался. За четверть века сделал за тысячу, наверное, репортажей.

(Справка: среди всех репортажей К. Махарадзе спортивных было если не меньше, то во всяком случае немногим больше других. Среди них: практически все праздничные парады в Грузии на протяжении 15 лет. Театральные встречи. Репортаж об открытии в Грузии первого газопровода. День рождения тбилисского метро. Среди лучших, по мнению многих, были передачи о проблемах молодой семьи, построенные как ответы на письма зрителей).

— Знакомо ли Вам чувство профессиональной зависти?

— Знакомо чувство восхищения: я бы так не смог, как может, например, венгерский комментатор Дьердь Сепеши. Его репортажи — минимум слов при максимуме самовыражения, неуемная «скорострельность», но — не трескучесть.

Как-то Владимир Маслаченко несколько раз в серии пенальти угадал направление удара, когда футболист только начал разбег к мячу. Я бы не смог: такая тонкость по силам только бывшему вратарю.

В Аргентине есть комментатор, известный в стране как «Сеньор Гол». Последний матч аргентинского чемпионата он вел шепотом, он сорвал связки, он отдал футболу свое единственное оружие — голос. А испанский «премьер» репортажа Мигель Вилья? Вот это раскованность! Когда испанцы проиграли, он, вместо того, чтобы сказать: передачу вел такой-то — закричал, обращаясь к тем, кто предрекал их победу: «Кр-р-ретины!» На всю Испанию.

— Константин Иванович, Ваше восхищение футболом известно. А болельщик, сидящий на трибуне, попыхивающий папироской и не умеющий при этом пробежать и десяти метров,— симпатичен ли Вам он?

— Просто нечестно не любить его за самоотверженную преданность спорту. Но!.. Когда кругозор человека ограничен периметром стадиона, когда «боление» перерастает в ненависть к приверженцу другой команды — это становится отвратительным. Все эти надписи на стенах, стаи юных «фанатов» и все, что с ними связано, да и угрюмые группы взрослых у пивных ларьков рядом со стадионами — я думаю, это от скудоумия, от никчемности...

— Что позволяет Вам сочетать два этих ремесла — актера и комментатора?

— Элемент импровизации, лежащий в основе и того, и другого. Футбол мне очень помогает профессионально: актер-Махарадзе как бы «разминается» в комментаторской кабине перед выходом на сцену. И вот еще что: и на стадионе, и в театре я, наверное, умер бы, узнав, что зрители слушают меня безразлично. И то, и другое дело — от одного, что ли, корня.

— А если шире: театр и футбол — тоже?

— Возможно. Во всяком случае, режиссер театра и тренер футбольной команды — почти коллеги. И тот, и другой в какой-то момент начинают думать, что театр — или футбол — это они сами. Вот тогда-то все и кончается — и футбол, и театр.

Этой участи не избежал даже бразилец Феола, создавший блистательную команду — с Пеле, Гарринчей... Но пришел 1966 год, и Феола проиграл: тактика футбола ушла вперед. Это нормально. Время быстрее человека.

— Но ведь бывает и так: пьеса хороша — плохи актеры. Есть стратегия игры — нет хороших игроков.

— Спектакль получается не тогда, когда режиссер приносит абстрактно хорошую пьесу, но тогда, когда среди актеров есть Гамлет. То же и в футболе.

— Какие вопросы задает себе сегодня Махарадзе-комментатор? Махарадзе-актер? Задает и — не находит ответа?

— Я думаю о пределе своих возможностей у микрофона. Неужели так и будет: один репортаж чуть лучше, другой чуть хуже? Театр — другое дело: каждая роль — новое постижение мира, это исключает повтор. А репортаж ограничен. Недаром ведь комментаторов корят за повторы. Но попробуй-ка не повториться!

Думаю о том, что мы с радостью принимаем словесные штампы. Жаль, нужен поиск слова. Не только нового, но и единственно точного. И не только комментаторам — всем.

А Махарадзе-актер... За последнее время меня постигли две актерские неудачи, которые не перестали быть неудачами от лестных слов рецензентов.

Всю жизнь я мечтал сыграть испанского гранда и дуэлянта в пьесе «Дон Сезар де Базан». И вот — сыграл. Фехтовал на сцене, выиграл все дуэли, похудел на 10 килограммов, но... Я стар для этой роли. Время вышло, оно быстрее человека. А другая роль поторопилась. Это Матиас Клаузен в пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца» — 70-летний старик, влюбленный в юную девушку. Прекрасная роль, но я молод для нее.

Была ли удачной моя актерская судьба? Жаловаться грешно: 35 лет на сцене, более сотни ролей, о которых можно только мечтать. Я не просто работал под одной театральной крышей с Акакием Хоравой, Серго Закариадзе, Верико Анджапаридзе, Вассо Годзиашвили,— я был их партнером на сцене. Грешно жаловаться. Но сказать, что сделано все, что хотелось,— неправда. Как бы ни расхваливал я прелести спортивной тележурналистики, многое, конечно, потеряно и по ее милости.

Обидно вот еще что. Профессия актера вторична: образ, который ты создаешь на сцене, выдуман до тебя — драматургом. В сегодняшнем театре диктат режиссера делает тебя и вовсе третьестепенным лицом. Стало так: драматург придумывает, режиссер додумывает, ты — делаешь. Возможно, кого-то это устраивает. Но уж если я говорю дома, что пошел на работу, то... То значит, я должен идти на работу, которая требует от меня дарования, человеческой позиции, владения ремеслом, творчества, наконец. А вовсе не умения объявить о том, что «карета подана», именно так, как это хочется режиссеру.

Ну уж нет, если бы все сначала,— только не актером.

— Коль скоро мы вернулись «к истоку»: комментатором Вы стали случайно, а актером?

— Еще более случайно. Профессию за меня выбрала... мама. Семи лет от роду я был отдан в балетную студию при Тбилисском оперном, и с успехом ее закончил. Когда же пришло время, мне осталось только перебежать из балета в драматический театр. Однажды, правда (я был уже студентом театрального училища), пришлось исполнить одну из балетных партий в Тбилисском оперном, когда заболел танцор. Но сердце уже тогда принадлежало не балету — театру.

И еще раз я был на шаг от «измены». В тбилисских театрах шла моя пьеса, вместе с М. Туманишвили я завершил инсценировку по книге Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее» — первую в нашей стране,— задумал еще одну пьесу, и... чуть было не убежал в Москву, в литинститут. Но вовремя одумался. И уже навсегда остался в театре.

— А вот в недавнем интервью одного из «чародеев» итальянского кино прочел фразу: зритель, окруженный суровой реальностью жизни, перестает верить условному искусству театра. Дословно: «Магия искусства теряет свои чары». Ваш прогноз?

— Но только не магия театра. Театр вечен. Как вечна в человеке жажда правды, потребность в справедливости. Именно поэтому мы приходим в зрительный зал. А еще потому, что никогда человек не потеряет потребности присутствовать при самом процессе творчества. Именно эту возможность и должен давать человеку актер.

...Я думаю, «чародей» слукавил. Или ошибся. Театр ищет новые пути, это верно. Но, конечно же, найдет. Быть может, вернется к тому, что растерял, поспевая за нашим быстрым веком. Мне почему-то кажется, что наступит день, когда в театре опять не будет лифта. Лифт в театре — нелепость, нарушение правил Великой тайны театра.

— Ваши друзья утверждают, что Вы могли бы стать видным ученым.

— Шутят. Хотя в школе все были уверены, что я-то уж точно буду математиком. Отец так и не смог простить мне, что я бросил точные науки ради театра... Я как-то сказал в одном интервью, что к своему стыду был отличником.

(Справка: переводы стихов американского цикла В. Маяковского, сделанные К. Махарадзе, вошли в сборники поэта на грузинском языке. Были опубликованы и переведенные К Махарадзе на русский стихи классика грузинской поэзии Галактиона Табидзе).

— Что Вы цените в людях?

— Воспитанность. Доброту. Требовательность к себе прежде, чем требовательность к другим. К сожалению, возраст разочаровывает в людях и делает нас разборчивее. Эгоизм, рвачество и многое другое, что прощалось в юности, не прощается теперь. И все чаще возникает вопрос: техническая революция совершила чудо, но заметно ли вырос сам человек со времен Эсхила и Софокла?

— Вы часто выступаете перед молодежью. Какой урок извлечен из этих встреч?

— Главное — исключить назидательность. Еще важнее — угадать тот шаг, на который наши дети обгонят нас.

Беседу вел
М. КОЖУХОВ.

Фото Ю. СОМОВА. (АПН).